

РЕЦЕНЗИИ

И. А. Голосенко

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ

Обычно знакомство с новой книгой, особенно по истории отечественной социологии, я начинаю с просмотра библиографии, на которой она выстроена. За редкими исключениями, это почти сразу позволяет определить последующую итоговую оценку — научный или околонучный, серьезный или поверхностный опус попал мне в руки. Рецензируемая книга*, по упомянутому критерию, подсказала мне — чтение ее обещает получение новых знаний по болезненно-актуальной для нас сейчас проблеме — армия и общество. Как специалиста меня обрадовало, что С. Бразевич привлекает много дореволюционной периодики, почти не встречаемой в нынешней литературе по военной социологии, а именно, газеты и журналы — «Военный сборник», «Разведчик», «Журнал общества ревнителей военных знаний», «Офицерская жизнь», «Военный мир», «Русский инвалид» и др. На этом фоне вполне простительным выглядит пропуск двух изданий, содержащих полезную информацию по теме книги: первого в России неофициального военно-общественного журнала «Война и мир», издававшегося преподавателем Александровского военного училища В. Ждановичем, и газеты либерально-кадетской ориентации «Военный голос». Существует верная мысль — армия как социальный институт является почти точным и «живым отображением» общества, которое ее порождает. Многие разделы книги Бразевича ненавязчиво, но последовательно это утверждение иллюстрируют. Главные задачи, стоящие перед исследователем истории российской военной социологии, по определению автора, таковы: выявление социального заказа во второй половине XIX века на новое знание в лице военной социологии, определение главнейших этапов ее последующего развития (добавим уже от себя — с обязательным включением ученых русского зарубежья) и основных теоретических подходов на каждом этапе, обнаружение линии преемственности между старой и современной военной социологией, т.е. восстановление традиции в этой ветви социологического знания. Бразевич сделал только первый, но уверенный шаг в этом направлении.

*Бразевич С. С. Военная социология в России: идеи, проблемы, опыт (середина XIX — начало XX в.). СПб., 1997. 212 с.

Голосенко Игорь Анатольевич (р. 1938) — главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Доктор философских наук, профессор.

Адрес: 192283, Санкт-Петербург, ул. О. Дундича, д. 10 корп. 1, кв. 467; 198052, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН.
Тел. (812)316-3270, факс (812)316-2929.

E-mail: inso@ego.spb.su

Какова же структура книги и главные выводы, предлагаемые читателю автором? Уже в первой главе, посвященной истории возникновения военной социологии в России, справедливо указывается, что одной из причин ее появления (термин «военная социология» был впервые введен капитаном Генштаба Н. Корфом в 90-е годы прошлого столетия) был поиск позитивных и негативных ответов на сочинения западноевропейских стратегов типа К. фон Клаузевица, Х. фон Мольтке, А. Жемени, Г. фон Бюлова и др. (В этой связи укажем — жаль, что в рецензируемой монографии не рассматривается очень показательная реакция представителей основных направлений российской общественной мысли начала XX века — А. Пиотровского, П. Сорокина, П. Андреевича и других — на книгу гаагского социолога Р. Штейнметца «Философия войны»). В многоплановых ответах на зарубежные работы наши авторы быстро перешли от узкоспециальной трактовки армии и военной деятельности к более широкой, социологической перспективе, рассматривая армейский институт в связи с демографическими, экономическими, политическими и духовными явлениями. Пионерами такого социологического подхода стали, прежде всего, талантливые преподаватели Николаевской академии Генштаба. Позднее их усилия были поддержаны большой группой людей как штатских, так и военнотружущих. Вообще следует отметить — социально высокая роль армии в сословном обществе России XIX века привела к тому, что многие выдающиеся отечественные социологи (теоретики и практики) часто либо имели за плечами военное образование, либо какое-то время состояли на военной службе. Такого обилия профессиональных военных в социологии не знала ни одна другая страна той поры. Укажем хотя бы на следующие имена — П. Лавров, В. Фрей, П. Кропоткин, Е. де Роберти, Д. Столыпин, Ф. Степун, М. Бакунин, П. Лилиенфельд и др. Однако научные интересы всех этих людей были самыми разнообразными и широкими и совсем не ограничивались только армейскими сюжетами. Наряду с ними образовалась группа исследователей-офицеров — М. Драгомиров, Г. Леер, Н. Михневич, Н. Корф, Н. Головин, П. Режепо, А. Резанов и др., которые были кровно заинтересованы проблемами модернизации армии и военных доктрин, приведением их в соответствие с «духом времени». Именно они и стали специализироваться на одной относительно узкой социологической теме — структура и роли (функции) армии как социального института, ее стратификационное строение, каналы пополнения, влияние войны и мира на общественную жизнь. Их исследовательскими усилиями теоретического и эмпирического плана и была создана, как показывает рецензируемая книга, отечественная военная социология. Некоторые из этих исследователей, став после революции деятелями русского зарубежья, продолжали работать в избранном научном русле. В частности, отметим, что П. Сорокин в конце 1930-х годов пригласил двух известных российских военных социологов Н. Головина и А. Зайцева принять участие в его грандиозном исследовательском проекте, получившем при опубликовании название «Социальная и культурная динамика». Они провели уникальные подсчеты военных конфликтов, их причин, проанализировали длительность и эффективность в решении территориальных, религиозных, классовых, политических споров почти за двухтысячелетнюю историю европейской цивилизации.

Заключает первую главу книги сжатый очерк взглядов нынешних представителей военной социологии, как отечественных, так и зарубежных, на ее предмет, методы и теории. Эти страницы показывают, что как самостоятельная отрасль социологии она еще находится в становлении, впрочем, как и многие другие специализированные ветви социологического знания.

Вторая глава — «Социологические взгляды военных теоретиков России XIX—начала XX столетия» более подробно развивает ряд тезисов, лапидарно изложенных в предыдущей главе — прежде всего, относительно социального заказа на военную социологию. Как считает автор, своим рождением она, помимо критики западных идей, обязана «потребности русской военной науки в получении как можно более адекватных характеристик военно-социальных явлений и процессов» (с. 41). И действительно, темами военной социологии были очень важные вопросы, начал исследоваться «моральный фактор» войны (социальная психология солдатской массы и офицерского корпуса), особое разделение деятельности армии в мирное и военное время, оптимальная иерархия высокоспециализированных социальных ролей в армии и условия ее воссоздания через систему военного образования, характер будущих войн и степень подготовки к ним России. Иными словами (и автор это постоянно демонстрирует), узкопрагматическое военное вызвало к жизни другой, более широкий в содержательном отношении тип знания, итогом этого стал их междисциплинарный альянс и обоюдное обогащение. Этот интерналистский вывод иллюстрируется рядом примеров, из которых наиболее показательными являются эмпирические замеры «моральной упругости войск», проводимые Н. Головиным в действующей армии в первые годы мировой войны. Выяснились и сравнивались следующие показатели: количество потерь (убитые и раненые), число попавших в плен и бежавших из плена (последние в царской армии, в отличие от сталинской, всегда поощрялись), число заболевших и прибегавших к членовредительству или дезертирствующим, а также содержание солдатских писем с фронта, фиксирующих отношение к войне. Полученные научные данные учитывались в военной практике, т. е. последующих оперативных расчетах.

После горького опыта русско-японской войны развитие военной социологии получило новый стимул и стало более интенсивным. Стали усиленно разрабатываться два принципиально важных и взаимосвязанных вопроса — роль человека и техники в современной войне и характер будущей войны, подразделяемые на более мелкие вопросы: быстрая мобилизация, сосредоточение и стратегическое разворачивание армий, их деление на оперативно самостоятельные фронты на базе железнодорожных, речных и шоссейных коммуникаций, нормы и длительность сражений и кампании в целом. Автор справедливо отмечает, что представители русской военной науки, опираясь на военно-социологическое ведение проблем, предлагали оригинальные и передовые для своего времени теоретические ответы на перечисленные выше вопросы, но они оказались незатребованными царской властью и «не оказали должного влияния на подготовку России к войне и строительство ее вооруженных сил», оставшись только академическим достижением (с. 79). В кровопролитном сражении под Мукденом у японцев было 300 пулеметов против 88 русских. Правительство и лично Николай II весьма своеобразно прочувствовали «манжурский синдром», потребовав в первую очередь изменить

... покрой военной формы для пехотных частей и подготовить новые нашивки для головных уборов. Повторяемость проблем российской истории поражает — как тут не вспомнить наши дни: многоголосое сотрясение воздуха разными общественными кругами о необходимости военной реформы и унылую реальность в виде нововведения бывшим военным министром П. Грачевым фуражек с высокой тульей.

Завершающий и в сюжетном отношении наиболее социологический раздел второй главы назван «Армия в системе социальных институтов». Здесь реконструируются взгляды М. Галкина, В. Баратынского, К. Обручева, Д. Милютин и др. на особенность армии как социального института. Обычно наши и зарубежные социологи рассматривали армию, создаваемую на основе всеобщей воинской повинности (кстати, введенной в России еще в 1874 году) как некое «коллективное единство», обладающее следующей структурой: 1) стратифицированное «тело» армии (командный состав разных уровней — генералитет, офицерский корпус, младший состав, солдаты-новобранцы, строевики и сверхсрочники; номинальные группы — призывники, отставники); 2) этос или духовная культура армии: солдатский фольклор, песни, жаргон, история частей, гимны, уставы и образы военнослужащих в официальной идеологии, искусстве и общественном мнении, военные знания и система обучения им; 3) материальная культура: казармы, плацы, клубы, военная техника, обмундирование; 4) специфические социальные взаимодействия: уставные отношения, приветствия, система кар и наград, учения, парады и смотры, разнообразные боевые действия. Между всеми перечисленными элементами существуют особые функциональные связи, в которых господствует принцип командно-централизованного управления, создающий жесткую организацию армии в сравнении с другими институтами. Рост рассогласованности между элементами приводит к функциональности армии, уменьшению ее боеспособности и даже ликвидации с последующей гальванизацией в новом виде. XX век достаточно поэкспериментировал над русской армией в этом направлении.

Так как «офицерский вопрос» очень остро стоял в России на рубеже двух веков ввиду размывания дворянско-кастового состава офицерского корпуса и падения традиционного престижа офицерской профессии в глазах гражданского общества, то автор рецензируемой книги сконцентрировал внимание только на офицерском корпусе, полагая при этом, что именно ему принадлежит центральная роль в безупречном функционировании армейского института. В таком подходе были резоны и, кроме того, наиболее содержательные эмпирические исследования, выводы которых оказались удивительно сопоставимыми, были проведены у нас именно по «офицерскому вопросу» (П. Режепо, К. Обручев и др.). Не оговаривая право автора на выбор интересующей его темы, следует указать читателю книги на то, что у нас была большая литература по всем компонентам армейского института, особенно что касается его основания — солдатской массы. Впрочем, она выходила иногда в другой дисциплинарной рубрике — «военная педагогика» (П. Кавенаридзе и др.) или «военная психология» (А. Жиркович и др.). Под влиянием теорий толпы Н. Михайловского, Г. Тарда и Г. Ле Бона проводились исследования социальной психологии солдат, черт его коллективного поведения (бой, отступление, паника),

группообразующей роли «строя» и команд и т. п. Известный социолог Ф. Степун, обобщая свой опыт армейской службы, писал о двойственном поведении русского офицерства — с одной стороны, многие в общении с рядовыми злоупотребляли матерной бранью и рукоприкладством, но с другой — в офицерской среде были резкие и публичные протесты против подобного хамства и отеческое отношение к солдатам. Впрочем, первое преобладало. Все это оседало в коллективной памяти «серой скотинки» и аукнулось крымским бегством Верховного Главнокомандующего и остатков доблестного офицерства из страны.

О необходимости военной реформы наши социологи осторожно говорили еще до поражения на Дальнем Востоке, когда небоеспособность русской армии и флота, содержание которых так дорого обходилось бюджету, стала для всех очевидной. Вопрос о реформе принялись непривычно открыто обсуждать именно в армейской среде. Если первые социологические исследования непомерно раздутого российского генералитета, проведенные А. Режепо еще в 1903 году, были встречены высшим начальством крайне недоброжелательно и исследователю грозили служебными неприятностями, то после японской «пощечины» его последующие работы по полковникам и офицерскому вопросу вообще были встречены спокойно и даже с пониманием. А ведь собранные им материалы высвечивали общеармейские недостатки и просто кричали о необходимости серьезной модернизации и усовершенствования русской армии. Очень медленно в 1905—1912 годы правительство приступает к частичным нововведениям. Автор посвящает рассмотрению этого вопроса, социологическая логика которого актуальна для нас и сегодня, третью главу своей работы, хотя отдельные ценные замечания на этот предмет часто встречаются и в других местах книги. Наши социологи высказывали совершенно верную мысль о том, что военная реформа не должна ограничиваться только специально военными мерами (как бы они ни были важны сами по себе), а синхронно соединяться с крупными общегосударственными социальными изменениями, иными словами, военная реформа не может быть сведена только к реформе одной армии. Начавшаяся военная реформа на первой фазе — в 1905—1909 годы — была направлена на известную децентрализацию и урезание всесильной власти высшего военного командования, вовлечение более широкого круга общественности (через различные комиссии Госдумы) к выработке военной политики, сокращение численного состава генералитета и кадровые изменения в высшем военном руководстве, реорганизацию аттестационной системы офицерского корпуса и т. п. Однако в 1910 — 1912 годы многие из этих разумных мер сворачиваются, и реформа сводится, в лучшем случае, к попыткам поднять материально-техническую оснащенность армии на современный уровень. Самыми успешными были нововведения только в системе военного образования, где внедрялись новейшие программы и методы обучения, в школы, готовящие офицеров, стали принимать больше лиц разных сословий, национальной принадлежности и концессий. Ограниченные финансовые возможности не позволяли царской России сколько-нибудь уравниваться с ведущими европейскими странами ни по насыщению армии передовой военной техникой, ни по материальному содержанию военнослужащих. В. Новицкой в книге «На путь к усовершенствованию государственной обороны» (СПб., 1909) проанализировал военные бюджеты разных стран, сопоставил суммы, на которые в год обходилось

содержание одного военнослужащего, и получил: Россия — 387 рублей, Франция — 504, Германия — 708, Япония — 770. Среди акций наших социологов, принявших горячее участие в реформе, автор отмечает и описывает анкетные опросы слушателей Николаевской военной академии, проведенные Н. Головиным, и методику многоэтажной аттестации офицерского корпуса, разработанную Б. Панаевым (с. 116—173).

К этому следовало бы присовокупить изучение человеческого фактора военной деятельности, проводимое в педагогической лаборатории А. Нечаева, открытой при помощи Военного министерства. Но многие рекомендации военных социологов остались на бумаге, «бюрократический государственный механизм тормозил преобразования в армии» (с. 124), за что, как хорошо известно, скоро жестоко расплатился.

В годы первой мировой войны отечественные социологи, исходя из тезиса — война дело общегосударственное, в ней участвует весь народ, а не только армия — стали проводить эмпирические исследования самых различных сторон воевавшей России: опросы учащихся о войне, крестьянские и рабочие семейные бюджеты в условиях военного времени, народный быт и сухой закон, введенный вначале на время мобилизации и распространенный позднее на все время войны, проституция и война и т. п. Что же касается военных социологов, то они сосредоточили основное внимание на изучении морально-боевого состояния и материально-технической обеспеченности армии. Быстро выяснилось, что энтузиазм русских военных, да и всего населения в первые полгода войны сменился тяжелой агонией армии как социального института в 1915 — 1916 годы, а в начале 1918 года «старая армия России (214 дивизий и почти 7 млн человек) самоликвидировалась» (с. 138). Ближайшим следствием этого патологического процесса была страшная для души и тела русского народа гражданская война.

Некоторым упущением историко-социологической работы С. Бразевича я считаю отсутствие в ней сколько-нибудь подробного анализа антимилицаристической тенденции в русской социологии. Мимоходом упомянут только Иван Блюх, однако анализ работ В. Малиновского, П. Милюкова, П. Сорокина, П. Люблинского, Л. Комаровского, А. Исаева и многих других на эту тему был бы явно к месту, если исходить не только из объективных фактов истории социологической мысли, но и исследовательской стратегии автора. В массе социологического вторсырья, постоянно появляющегося на книжном рынке за последние годы, монографию С. Бразевича, пожалуй, следует оценить как явление отрадное и хочется пожелать ему успехов в дальнейших исследованиях, учитывая, что такой задел ответственно требует продолжать исследовательскую работу, и немало важных деталей истории отечественной военной социологии нуждается еще в анализе.